Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Обзор журналов

Опубликовано:
Христианское чтение. 1906. № 7. С. 157-180.

🅭 Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Обзоръ журналовъ.

Изслѣдованія по гносеологіи Н. О. Лосскаго и М. И. Каринскаго.

Въ минувшемъ 1905-мъ году въ „Вопрос. Фил. и Психол." [1]) печаталась вторая часть обширнаго гносеологическаго изслѣдованія Н. О. Лосскаго о мистическомъ эмпиризмѣ.

Мистическій эмпиризмъ вскрываетъ и устраняетъ ложную предпосылку разобщенности между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ, лежащую въ основѣ теорій знанія индивидуалистическаго эмпиризма, докантовскаго раціонализма и кантовскаго критицизма. Объектъ не трансцендентенъ, но имманентенъ процессу знанія: онъ есть сама жизнь, сама дѣйствительность присутствующая въ актѣ знанія, переживаемая въ немъ. Но эта жизнь и эти переживанія—еще не знаніе; знаніемъ они становятся *благодаря дополнительному процессу сравниванія*. Внѣ сравненія жизнь течетъ темнымъ потокомъ, она есть что-то безформенное, безобразное. Подъ вліяніемъ же дѣятельности сравненія, различенія, отдѣльныя стороны дѣйствительности обособляются, дифференцируются,—безформенные объекты превращаются въ *образы*, въ *представленія* (или понятія); жизнь, не утрачивая своей реальности, становится *представляемой* жизнью. Дѣятельность сравненія безконечна, такъ какъ очевидно, что дифференцировать дѣйствительность до конца можно бы только въ томъ случаѣ, если бы каждый

[1]) Книжки 77, 78 и 79.

уголокъ міра, каждый объектъ былъ сличенъ со всѣми остальными объектами міра. Человѣческій умъ далекъ отъ этого идеала; подъ каждой дифференцированной формой представленія скрывается для насъ недифференцированный остатокъ, который представляетъ собой могучее и богатое содержаніемъ бытіе. Слѣдовательно, знаніе можно опредѣлить какъ *„процессъ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравниванія“*.

Знаніе имѣетъ своей цѣлью *достиженіе истины*. Истина и ея отрицаніе—ложь всегда выражаются въ формѣ *сужденія*. Познавательная дѣятельность неизбѣжно принимаетъ эту форму, такъ какъ она опредѣляется самой природой познавательнаго процесса. Всякій актъ дифференцированія путемъ сравненія предполагаетъ: 1) исходный пунктъ этой дѣятельности — темную дѣйствительность (или еще совсѣмъ не опознанную и потому не выраженную никакимъ словомъ, или же въ болѣе сложныхъ актахъ знанія уже дифференцированную въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ); 2) продуктъ дифференціаціи—вновь обособленную сторону дѣйствительности. Между исходнымъ пунктомъ и продуктомъ дифференціаціи сохраняется тѣсная, живая связь, такъ какъ вновь обособленная сторона дѣйствительности сознается какъ сторона дѣйствительности, подвергшейся дифференцированію. Так. образомъ, самой природой процесса знанія даны *три элемента сужденія*: субъектъ, предикатъ и отношеніе между субъектомъ и предикатомъ. И самое сужденіе можно опредѣлить какъ *„отдѣльный актъ дифференціаціи объекта путемъ сравненія“*.

Представленное ученіе мистическаго эмпиризма о происхожденіи сужденія безъ затрудненій объясняетъ всѣ категоріи сужденій безъ исключенія. Такъ на вопросительныя сужденія мистическій эмпиризмъ въ правѣ смотрѣть какъ на *зачатки* сужденія, какъ на указаніе исходнаго пункта для дальнѣйшей дифференціаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на указаніе субъекта *будущаго* сужденія. Безсубъектныя по внѣшней формѣ сужденія („моросить“, „свѣтаетъ“) представляютъ собой *первые* акты дифференцированія, которые по необходимости должны относиться къ чему-то для насъ еще совершенно неясному и потому не выразимому съ помощью языка. Экзистенціальныя сужденія („Богъ существуетъ“) мистическій эмпиризмъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ субъектомъ служитъ не вещь, а *существованіе* вещи; предикатъ же точнѣе

выражаетъ свойства ея существованія. Наконецъ, запутанный вопросъ объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ рѣшается имманентной теоріей знанія въ томъ смыслѣ, что всякое сужденіе есть аналитическое, если брать *не* опознанную сторону субъекта, и всякое—синтетическое, если имѣть въ виду опознанную его сторону.

Взглядъ на сужденіе, какъ на единственную форму познавательной дѣятельности, вытекающую изъ самой природы процесса знанія, ставитъ для мистическаго эмпиризма задачу объяснить изъ сужденія всѣ остальныя, извѣстныя изъ опыта, формы знанія. Имманентная теорія знанія должна разсматривать въ качествѣ модификацій сужденія представленія, понятія и умозаключенія.

Нетрудно представить, какъ изъ послѣдовательныхъ актовъ дифференцированія, выражающихся въ формѣ сужденія, возникаютъ представленія и понятія. Узнавъ, благодаря первому акту дифференцированія, что нѣчто есть „S", во второмъ актѣ, мы узнаемъ уже, что „S есть P", въ третьемъ— „SP есть M" и т. д. Происходитъ какъ бы сгущеніе сужденій, образуются комплексы элементовъ S, SP, SPM на фонѣ недифференцированнаго остатка. Конечно, образованію такихъ комплексовъ не всегда предшествуютъ ясно выраженные акты сужденія; „иногда дифференцированные элементы сразу образуютъ комплексъ представленія, не пройдя чрезъ отчетливо выраженную форму сужденія". *Представленія* можно опредѣлить, поэтому, какъ *„переразвитые или недоразвитые, а потому сокращенные комплексы сужденій"*. *Понятіе* то же самое, что представленіе, и отличается отъ него только тѣмъ, что содержитъ въ себѣ въ дифференцированной формѣ стороны объекта, *существенныя съ какой-либо точки зрѣнія, то есть для какой-либо цѣли.*

Сужденіе, выражая результатъ дифференціаціи объекта, обладаетъ такимъ богатымъ содержаніемъ, что само можетъ стать матеріаломъ для дальнѣйшихъ построеній знанія. Построеніе сужденія изъ матеріала уже существующихъ знаній есть *умозаключеніе.*

Съ точки зрѣнія имманентной теоріи знанія Н. О. Лосскій оцѣниваетъ различные типы пониманія сужденія, подробнѣе останавливаясь на ученіи новокантіанства. Виндельбандъ и Риккертъ настаиваютъ на томъ, что первенствующее значеніе въ сужденіи имѣетъ *элементъ утвержде-*

нія. Не всякое сочетаніе представленій содержитъ въ себѣ истину или ложь и составляетъ сужденіе, но только то сочетаніе, которое сопровождается утвержденіемъ, признаніемъ, основаннымъ на *долженствованіи* соединять представленія такъ, а не иначе.

Практическій элементъ въ формѣ признанія, конечно, есть въ сужденіи, и онъ упомянутъ въ приведенномъ выше опредѣленіи сужденія, въ словахъ: *сужденіе есть актъ.* Всякая дѣятельность руководится стремленіемъ къ нѣкоторой цѣли, и, поскольку цѣль осуществляется или кажется осуществленной благодаря этой дѣятельности, мы санкціонируемъ, признаемъ, утверждаемъ ее. Однако въ этомъ признаніи нѣтъ творчества, оно *не создаетъ* истины, но только дѣлаетъ меня отвѣтственнымъ за то, что я присоединяюсь къ истинѣ или лжи. Для гносеологіи это признаніе интересно лишь постольку, поскольку оно имѣетъ *принудительный* характеръ. Иными словами: въ сужденіи интересно не мое признаніе его, а его содержаніе и тѣ свойства, благодаря которымъ я *обязанъ* признать какое-либо положеніе за истину. Такъ какъ содержаніемъ сужденія служитъ наличная дѣйствительность, то ясно, что не иное что, а именно эта *наличность бытія* въ актѣ сужденія и есть то, что заставляетъ познающаго субъекта признать бытіе. *Истинность сужденія основывается на наличности бытія.*

Послѣдній выводъ имманентной теоріи знанія какъ будто сближаетъ ее съ гносеологіей, которая видитъ критерій истины въ согласіи между *представленіями* субъекта и *бытіемъ*, находящимся внѣ представленій, и съ новокантіанской гносеологіей, которая учитъ объ истинѣ, какъ согласіи сужденія съ *долженствованіемъ* построить сужденіе. Но эти теоріи опираются на (опровергнутую въ предшествующемъ изложеніи) предпосылку трансцендентности знанія, на разобщенность между знаніемъ и бытіемъ или между знаніемъ и долженствованіемъ. Между тѣмъ, въ мистическомъ эмпиризмѣ объектъ имманентенъ процессу знанія. Мистическій эмпиризмъ, при опредѣленіи критерія истины, можетъ, поэтому, снова возвратиться къ бытію, только усматривая этотъ критерій не въ *согласіи* знанія съ бытіемъ, а въ *наличности* самаго бытія въ знаніи.

Принудительный характеръ истиннаго сужденія осуществляется въ свойствахъ: *необходимости*, съ какой предикатъ

присоединяется къ субъекту, *и общеобязательности* сужденія, т. е. обязательности его *навсегда* и для *всякаго* мыслящаго существа, а не только для лица, высказавшаго его. Такъ какъ основаніемъ истинности сужденія служитъ наличность бытія въ актѣ сужденія, то мистическій эмпиризмъ можетъ искать объясненія указанныхъ свойствъ истиннаго сужденія только *во всеобщихъ свойствахъ самого міра.*

Чтобы найти эти свойства, необходимо изслѣдовать *характеръ связи между субъектомъ и предикатомъ.*

Такъ какъ познаваемая дѣйствительность имманентна процессу знанія, то отношеніе между частями сужденія выражаетъ отношеніе частей самой дѣйствительности. И если въ истинномъ сужденіи субъектъ S таковъ, что, если онъ данъ, къ нему необходимо присоединяется предикатъ P,—это объясняется органическою, функціональною связью между сторонами самой дѣйствительности. Эта связь такъ же доступна для *непосредственнаго созерцанія*, какъ и сами вещи. Между міромъ *я* и *не—я*, съ точки зрѣнія имманентной теоріи знанія, нѣтъ никакихъ перегородокъ, и потому вещи даны намъ со всѣми связями дѣйствія, причиненія и т. п.

Необходимость сужденія вытекаетъ изъ необходимости самой дѣйствительности какъ въ такъ наз. *аподиктическихъ* сужденіяхъ, такъ и въ простыхъ сужденіяхъ *воспріятія.* Разница между этими двумя крайностями заключается лишь въ томъ, что въ сужденіяхъ воспріятія необходимость предиката дана въ не опознанной сторонѣ субъекта, въ сужденіяхъ же аподиктическихъ—въ опознанной его сторонѣ.

Необходимая связь субъекта и предиката, какія бы разновидности ея мы ни наблюдали, условно называется у Н. О. Лосскаго *связью основанія и слѣдствія* (причемъ, этимъ терминамъ, конечно, не придается интеллектуалистическаго характера).

Общеобязательность сужденія, совершенно необъяснимая въ теоріяхъ, которыя обособляютъ познаваемую дѣйствительность отъ процессовъ знанія и которыя должны, вслѣдствіе этого, смотрѣть на „всякое высказыванье сужденія“, какъ на „актъ, совершенно новый по сравненію съ прежними высказываньями того же сужденія“, — въ мистическомъ эмпиризмѣ вполнѣ понятна. Такъ какъ объективнымъ содержаніемъ сужденія служатъ элементы самой дѣйствительности, то общеобязательность сужденія есть выраженіе вѣчной неотмѣнимости

этой дѣйствительности. Всякій разъ какъ я высказываю сужденіе о событіи *A*, объективнымъ содержаніемъ моего акта служитъ *одно и то же реальное A*, хотя бы это событіе было мимолетное и давно отошло въ область прошлаго. Онтологія должна преобразовать ходячія чувственныя представленія о пространствѣ и времени и сдѣлать возможнымъ пользованіе аксіомой вѣчнаго тожества для обоснованія общеобязательности сужденій, относящихся къ прошлымъ или будущимъ событіямъ, вообще къ событіямъ, неодновременнымъ съ актомъ высказыванья сужденія.

Нѣкоторыя сужденія не только необходимы и общеобязательны, но и *всеобщи*: въ нихъ предикатъ присоединяется не только къ *этому* S, но ко всякому S, причемъ количество S можетъ быть неисчерпаемымъ. Общее сужденіе не есть скопленіе *многихъ* сужденій, но *единый* актъ мысли, содержащій въ себѣ только одинъ какой-либо случай связи S и P. Все же безконечное множество случаевъ такой связи, утверждаемое въ сужденіи, не можетъ быть наличнымъ какъ *множество*, и, повидимому, должно оставаться *трансцендентнымъ* въ отношеніи къ сужденію. Возникаетъ кажущійся безысходно противорѣчивымъ вопросъ: какимъ образомъ безконечное множество явленій можетъ быть наличнымъ въ единомъ актѣ мысли? Выйти изъ этого затрудненія можно только въ томъ случаѣ, если, не обманываясь чувственной видимостью, преобразовать понятія всеобщности и необходимости въ духѣ мистическаго эмпиризма и посмотрѣть на S, о которомъ говорится въ общемъ сужденіи, не какъ на численно различный въ различныхъ случаяхъ, но какъ на одинъ и тотъ же S, составляющій *тожественную* основу многаго. Чтобы это рѣшеніе вопроса не казалось страннымъ, Н. О. Лосскій подробно останавливается на сравнительной характеристикѣ типическихъ теорій общихъ сужденій, представленій и понятій.

Крайній номинализмъ разрубаетъ гордіевъ узелъ, утверждая, что общихъ представленій собственно нѣтъ, и что то, что называется общимъ представленіемъ, въ дѣйствительности есть *связка индивидуальныхъ представленій*, прикрѣпленныхъ къ одному и тому же слову. Точно также общее сужденіе есть связка единичныхъ сужденій, прикрѣпленныхъ къ одной и той же словесной формулѣ. Принимая этотъ взглядъ на природу общихъ представленій, понятій и суж-

деній, мы должны, если хотимъ быть послѣдовательными, превратить не только классы вещей въ связки индивидуальныхъ вещей, но и вещи раздробить на индивидуальныя состоянія, процессы, явленія. Вѣдь и каждая отдѣльная вещь дана намъ въ формѣ разъединенныхъ индивидуальныхъ состояній. Если номинализмъ не принимаетъ такого крайняго феноменалистическаго взгляда на міръ, то только потому, что незамѣтно для себя допускаетъ существованіе, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторыхъ классовъ* явленій, — именно существованіе классовъ *словъ*, вокругъ которыхъ, въ силу ассоціаціи, наростаютъ связки индивидуальныхъ явленій. Вѣдь, напримѣръ, слово „тигръ", произнесенное вчера или сегодня, есть не одно и то же, а *два различныя* слова,—столь же различныя, какъ реальные тигры, живущіе въ различныхъ лѣсахъ, и какъ два акта представленія о нихъ.

Можно, конечно, еще болѣе обострить номинализмъ, утверждая, что общее представленіе и общее сужденіе суть комплексы единичныхъ представленій и сужденій, группирующихся вокругъ единичнаго акта произношенія слова и сужденія. Слѣдовательно, слово и словесная формула создаютъ классы вещей и общія сужденія. Но почему же тогда вокругъ словъ объединяются не безпорядочныя группы какихъ угодно единичныхъ представленій, а группы *однородныхъ* предметовъ? Отвѣтить на этотъ уничтожающій вопросъ можно только признаніемъ, что вокругъ одного и того же слова группируются *сходныя* вещи, и что слово, слѣдовательно, только содѣйствуетъ окончательной кристаллизаціи общаго представленія, а не создаетъ его. Вмѣстѣ съ такимъ признаніемъ падаетъ крайній номинализмъ.

Концептуализмъ, если имѣть въ виду наиболѣе глубокія формулировки этой теоріи, утверждаетъ, что общее существуетъ только въ *мышленіи* (общія представленія и понятія), возникая изъ необщаго—изъ единичныхъ представленій. *Вещи* (и представленія) содержатъ въ себѣ неразличимо сходные (одинаковые) по содержанію, но численно различные элементы, и потому въ нихъ нѣтъ единаго во многомъ и тожественнаго. Неразличимо сходные элементы, отвлекаемые и объединяемые въ общемъ представленіи или понятіи, „замѣщаютъ" или „представляютъ" многія единичныя представленія.

Центральнымъ понятіемъ концептуалистическихъ теорій

служитъ понятіе „сродства“ или „одинаковости“ нѣкоторыхъ элементовъ единичныхъ представленій. Но Гуссерль доказалъ, что признаніе *одинаковости* содержанія безъ *тожества* содержанія создавало бы противорѣчивый regressus in infinitum и, потому, непріемлемо. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ допущенію „общаго предмета“, что и составляетъ основное содержаніе третьей типической теоріи общихъ представленій, понятій и сужденій—реализма.

Реализмъ, особенно если онъ совмѣщается съ мистическимъ эмпиризмомъ, понимаетъ происхожденіе общихъ представленій и сужденій въ томъ смыслѣ, что различныя явленія, обособленныя другъ отъ друга въ пространствѣ и времени, обособлены не абсолютно, но заключаютъ въ себѣ одни и тѣ же, не просто сходные, но *тожественные*, элементы или стороны. Поскольку въ нихъ есть тожественное, они составляютъ одинъ и тотъ же предметъ и въ дѣйствительности, и въ мышленіи. „*Общее въ вещахъ есть нѣчто первоначальное, непроизводное, поэтому, и въ мышленіи оно не можетъ быть произведено или сложено изъ чего-либо необщаго*“. Разбирая различныя возраженія (апріорныя, психологическія и онтологическія) противъ этого своего взгляда о первоначальной данности общаго въ общихъ представленіяхъ и сужденіяхъ, Н. О. Лосскій, на основаніи ряда опытовъ, наблюденій и соображеній, приходитъ къ выводу, что въ составѣ нашего знанія преобладаютъ сужденія и воспріятія средней общности; индивидуальное же, равно какъ и наиобщее, содержаніе дѣйствительности дифференцируется въ нашемъ сознаніи съ величайшимъ трудомъ и дается только немногимъ.

Общее есть *тожественное* во многомъ, — слѣдовательно, находится въ связи со *многими* существами, явленіями и т. п. Но изъ этого нельзя выводить, будто оно существуетъ во многихъ экземплярахъ. *Общее такъ же единично, какъ и индивидуальное.* Только общее есть индивидуальность *многообъемлющая*, а индивидуальное въ узкомъ смыслѣ слова есть не разложимый далѣе членъ этой многообъемлющей индивидуальности. Поэтому, и всеобщность или общій законъ нужно понимать *не какъ повтореніе* безчисленное количество разъ въ одномъ и томъ же видѣ явленій, но какъ наличность *тожественнаго* содержанія или осуществленіе *одного и того же* закона при *различіи сопутствующихъ обстоятельствъ.*

Съ устраненіемъ дуализма между общимъ и частнымъ

устраняется дуализмъ и между нагляднымъ представленіемъ и понятіемъ. Съ точки зрѣнія имманентной теоріи знанія тѣ и другія можно отожествить, потому что понятія, какъ и представленія, *не отображаютъ* дѣйствительность, но *содержатъ* ее въ себѣ. Именно потому, что въ понятіи дано бытіе, мы имѣемъ одинаковое право выходить синтетически за предѣлы понятія, такъ же какъ и за предѣлы наглядныхъ представленій.

Два изложенныхъ пункта имманентной теоріи знанія: 1) возможность интуитивнаго усмотрѣнія не только элементовъ дѣйствительности, но и ея связей; 2) ученіе объ отношеніи между общимъ и частнымъ,—эти два пункта лежатъ въ основаніи ученія мистическаго эмпиризма объ *элементарныхъ методахъ знанія.*

Дѣйствительность познается въ сужденіяхъ *воспріятія* и въ *умозаключеніяхъ.*

Процессы воспріятія и умозаключенія могутъ быть двухъ родовъ: *прямые* и *косвенные.* Въ *прямыхъ* воспріятіяхъ мы подвергаемъ дифференціаціи какую-либо сложную часть дѣйствительности S, находимъ въ ея составѣ другую часть дѣйствительности P, но, при этомъ *не* выходимъ за предѣлы дѣйствительности S. Въ *косвенныхъ* же воспріятіяхъ, воспринимая часть дѣйствительности S, мы вслѣдъ за этимъ выходимъ за ея предѣлы, прослѣживаемъ необходимую ея связь съ другою частью дѣйствительности P и, такимъ образомъ, воспринимаемъ это P въ его необходимомъ отношеніи къ S. Соотвѣтственно различаются между собой прямыя и косвенныя умозаключенія, только предметомъ операцій въ этомъ случаѣ служитъ уже не какая-либо часть дѣйствительности S, а содержаніе цѣлаго сужденія. Мы или накладываемъ данныя сужденія (если ихъ нѣсколько) другъ на друга, такъ что субъекты ихъ образуютъ одно цѣлое, а предикаты другое цѣлое, и затѣмъ подвергаемъ эти цѣлыя дальнѣйшей, общей для всѣхъ ихъ частей, дифференціаціи, получая новое сужденіе съ новымъ субъектомъ и предикатомъ; или въ другихъ случаяхъ мы комбинируемъ данныя сужденія такъ, чтобы они образовали цѣпь, соединяясь своими *однородными* по содержанію элементами, потомъ выходимъ за предѣлы связей этой цѣпи и замыкаемъ ее соединяя въ нѣкоторой новой связи *разнородные* элементы цѣпи. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *прямыми* умоза-

ключеніями—можно еще назвать этотъ процессъ мышленія *обобщеніемъ* или *прямымъ индуктивнымъ умозаключеніемъ*—во второмъ случаѣ,—съ *косвенными или дедуктивными умозаключеніями.*

Н. О. Лосскій подробно характеризуетъ каждый изъ описанныхъ методовъ въ духѣ имманентной теоріи знанія и доказываетъ ихъ совершенную элементарность. При этомъ, получаются значительныя отличія отъ традиціонной логики. Такъ обобщеніе въ прямомъ индуктивномъ умозаключеніи объясняется не какъ переходъ отъ данныхъ случаевъ къ *новымъ* неизвѣстнымъ случаямъ, но какъ изложеніе *общаго, уже содержащагося* въ томъ сужденіи, которое служило исходнымъ пунктомъ прямой индукціи,—иными словами: какъ изложеніе необходимыхъ связей, *данныхъ въ воспріятіи.* При характеристикѣ косвеннаго дедуктивнаго умозаключенія, въ отличіе отъ традиціонной логики, которая признаетъ правомѣрными заключенія только отъ присутствія основанія къ присутствію слѣдствія и отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія, устанавливаются четыре формы перехода мысли отъ основанія къ слѣдствію и наоборотъ. Методъ, замѣняющій прямую индукцію, характеризуется какъ особая разновидность умозаключеній,—именно, какъ *косвенное индуктивное умозаключеніе*, только по виду сходное съ индуктивными умозаключеніями, но на дѣлѣ имѣющее дедуктивный характеръ. Для происхожденія аксіомъ, постулатовъ и, вообще, сужденій, представляющихъ собой обработку *нечувственнаго или умозрительнаго* опыта, принимаются *умозрительные* методы, представляющіе собой разновидности перечисленныхъ прямыхъ и косвенныхъ методовъ.

Только мистическій эмпиризмъ, съ его методами, по мнѣнію Н. О. Лосскаго, въ состояніи объяснить возникновеніе *общихъ необходимыхъ сужденій*, потому что исключительно въ немъ утверждается непроизводность, первоначальность общаго и возможность его непосредственнаго, интуитивнаго воспріятія. Другія теоріи происхожденія этихъ сужденій, несостоятельны.

Такъ, индивидуалистическій эмпиризмъ, отрицая реальность общаго, пытается обосновать законы явленій путемъ косвенной индукціи, большую посылку которой составляетъ законъ единообразія природы, а меньшей являются *единичныя* наблюденія и опыты, установленные по извѣстнымъ

миллевскимъ методамъ индуктивнаго изслѣдованія. Но большая посылка въ индивидуалистическомъ эмпиризмѣ совсѣмъ не обоснована, потому что, по объясненію самого Милля, законъ единообразія есть только конечное обобщеніе, завершающее рядъ раннѣйшихъ обобщеній, которыя обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію простой ассоціаціи. Что же касается меньшей посылки, то теорія Милля *исключаетъ* возможность произвести единичныя наблюденія и опыты: вѣдь утвержденіе, что въ воспріятіи даны только временныя связи, требуетъ, прежде чѣмъ установить частное сужденіе, сравненія явленія, о которомъ идетъ рѣчь, рѣшительно *со всѣми* предшествующими явленіями міровой дѣйствительности, то есть ставитъ абсолютно не выполнимую задачу.

Послѣдній недостатокъ индивидуалистическаго эмпиризма неизбѣженъ и для критической философіи. Кантъ, объясняя происхожденіе общихъ первоначальныхъ сужденій ихъ апріорнымъ характеромъ, не рѣшался утверждать, что *вся* структура міра явленій апріорна. A priori мы знаемъ лишь то, что между эмпирическими данными существуютъ необходимыя категоріальныя связи. Но какіе именно элементы связаны между собой,—объ этомъ мы можемъ узнать только изъ разсмотрѣнія *временныхъ* связей между явленіями. Если такъ, то косвенное индуктивное умозаключеніе для апріоризма невозможно, потому что, какъ и въ индивидуалистическомъ эмпиризмѣ, невозможна меньшая посылка.

Остается выяснить послѣдній вопросъ — о *верховномъ критеріи* истины. Что заставляетъ насъ, въ случаѣ столкновенія сужденія воспріятія съ отрицаніемъ его, становиться на сторону *сужденія воспріятія*? Почему мы безъ колебаній отвергаемъ то, что противорѣчитъ *аксіомамъ* и *опредѣленіямъ*? Обыкновенно на эти вопросы отвѣчаютъ такъ, что принужденіе исходитъ со стороны логическихъ законовъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго: отрицаніе данныхъ сужденій нарушаетъ логическіе законы мышленія, а признаніе ихъ согласуется съ ними. Но эти законы, сила которыхъ несомнѣнна, нуждаются *въ точкѣ опоры* для своего проявленія. Они могутъ быть примѣнены лишь тамъ, гдѣ *уже есть* установленная истина. Сами же по себѣ они обязываютъ насъ только къ тому, чтобы *сдѣлать выборъ* между двумя сторонами, но *безсильны указать, на какую сторону мы должны стать*. Ло-

гическіе законы тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго являются, слѣдовательно, не критеріемъ истины, а критеріемъ лжи, такъ какъ показываютъ опредѣленно лишь то, по какимъ путямъ *нельзя* идти при достиженіи истины. Можно ссылаться, какъ на верховный критерій истины, на аналитическую необходимость, которая присуща, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ послѣднимъ посылкамъ знанія. Но помимо того, что съ точки зрѣнія имманентной теоріи знанія всякое сужденіе имѣетъ одновременно и аналитическій и синтетическій характеръ, даже чисто аналитическія сужденія, если только они не условны, нуждаются въ верховномъ критеріи истины. „Предикатъ этихъ сужденій устанавливается на основаніи законовъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть тожественнымъ и не противорѣчащимъ *въ отношеніи* къ субъекту: значитъ, эти законы могутъ вступить въ дѣйствіе и дать категорическое сужденіе только съ того момента, какъ субъектъ уже установленъ въ качествѣ *дѣйствительнаго* (а не гипотетическаго) бытія и притомъ *такого-то опредѣленнаго* бытія". Для этихъ предварительныхъ операцій нуженъ, очевидно, какой-то другой критерій, ранѣе логическихъ законовъ мышленія.

Въ имманентной теоріи знанія можетъ быть только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: критеріемъ истины должно считать наличность самой познаваемой дѣйствительности, *наличность познаваемаго бытія* въ актѣ знанія. Изъ пониманія природы процесса знанія слѣдуетъ, что мы будемъ обладать истиной въ томъ случаѣ, если въ результатѣ дифференцированія получится *образъ познаваемаго объекта*, то есть самый „объектъ въ дифференцированномъ видѣ", а не какое-либо другое явленіе. Истина есть *объективный* образъ предмета. А такъ какъ объективный образъ предмета можетъ быть искаженъ только познающимъ субъектомъ, который, производя сравненіе, можетъ внести въ образъ объекта что-либо ему чуждое, то ложь можно опредѣлить какъ *субъективный* образъ предмета. Сознаніе объективности нашихъ переживаній руководитъ актами мышленія на пути къ достиженію истины; это есть живой и непосредственный *критерій истины*. Въ истинномъ сужденіи предикатъ имѣетъ въ субъектѣ свое полное или *достаточное* основаніе. Напротивъ, въ ложномъ сужденіи въ субъектѣ мы наблюдаемъ или только

часть основанія, или въ немъ даны лишніе, не относящіеся къ предикату элементы, или, наконецъ, въ одномъ отношеніи субъектъ неполонъ, а въ другомъ осложненъ ненужными элементами. Законъ, управляющій взаимными отношеніями субъекта и предиката, какъ основанія и слѣдствія, есть *законъ достаточнаго основанія.* Изъ вышеизложеннаго объ отношеніи частей сужденія къ сторонамъ обнимаемой въ сужденіи дѣйствительности слѣдуетъ, что „законъ достаточнаго основанія выражаетъ собой не что иное, какъ опознанную, то есть вошедшую въ составъ сужденія необходимость самой дѣйствительности".

Установленіемъ критерія истины и общей характеристикой мистическаго эмпиризма по сравненію съ другими гносеологическими направленіями заканчивается изложеніе имманентной теоріи знанія. Какъ бы ни относились къ основнымъ положеніямъ этой теоріи, установленнымъ въ первой части изслѣдованія Н. О. Лосскаго, нельзя не признать плодотворнымъ какъ ея замыселъ, такъ и соотвѣтствующій замыслу методъ. Покойный профессоръ С. Н. Трубецкой, кн. Е. Н. Трубецкой и другіе представители русской философской мысли неоднократно указывали въ печати на то, что характернымъ признакомъ нашего времени является жажда органически цѣльнаго взгляда на жизнь и на богатое содержаніемъ и многогранное, но дезорганизованное культурное творчество. Изслѣдованіе Н. О. Лосскаго, продолжающее традиціи русской философской мысли, подтверждаетъ въ важнѣйшей отрасли философіи—въ теоріи познанія правильность наблюденія названныхъ лицъ. Вскрывая и устраняя предпосылку разобщенности между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ, имманентная теорія знанія не отрицаетъ однако направленій, которыя опираются на эту предпосылку. Индивидуалистическій эмпиризмъ, докантовскій раціонализмъ и кантовскій критицизмъ освобождаются въ имманентной теоріи знанія отъ ихъ исключительности, и возрождаются въ обновленной формѣ, которая открываетъ возможность для ихъ взаимнаго примиренія и сліянія. Противоположности знанія и бытія, раціональнаго и ирраціональнаго, апріорнаго и апостеріорнаго, общаго и частнаго, аналитическаго и синтетическаго въ мистическомъ эмпиризмѣ разрѣшаются такимъ образомъ, что устраняется самая почва для возникновенія по этому поводу споровъ между различными

гносеологическими направленіями. Это составляетъ основное свойство метода имманентной теоріи знанія, который можно охарактеризовать такъ, что онъ отрицаетъ отрицанія различныхъ направленій въ гносеологіи, но сохраняетъ ихъ утвержденія, стремясь дополнить ихъ новыми истинами.

Въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв.“ печаталось продолженіе изслѣдованія М. И. Каринскаго: „Разногласіе въ школѣ новаго эмпиризма по вопросу объ истинахъ самоочевидныхъ“ [1]).

Изученіе поставленныхъ школой новаго эмпиризма критеріевъ достовѣрности приводитъ къ убѣжденію, что между необходимой мыслимостью и методическимъ изслѣдованіемъ нѣтъ какого-либо противорѣчія. Методическое изслѣдованіе не только не устраняетъ необходимой мыслимости, но опирается на нее. Одинъ критерій требуетъ себѣ восполненія въ другомъ, — и наивысшей гарантіей достовѣрности, съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго эмпиризма, мы должны считать *необходимую мыслимость, не вызывающую никакихъ недоумѣній.* Нужно только опредѣленнѣе выяснить значеніе методическаго изслѣдованія и необходимой мыслимости при сообщеніи какому-либо положенію наивысшей, доступной для насъ, достовѣрности.

Если мы обратимся къ практикѣ научнаго сознанія, то увидимъ, что дѣйствительно плодотворное методическое изслѣдованіе въ своемъ характерѣ *сполна опредѣляется возникшими недоумѣніями* и, слѣдовательно, возможно только въ случаѣ ихъ возникновенія. Именно, возникшее недоумѣніе и дѣлаетъ методическое изслѣдованіе плодотворнымъ, такъ какъ, благодаря нему, въ необходимо мыслимомъ положеніи впервые открываются стороны, ранѣе не подвергавшіяся достаточно строгой провѣркѣ. Дѣло въ томъ, что вѣра въ какое-либо положеніе, считавшееся до сихъ поръ необходимо мыслимымъ, разрушается не только оттого, что въ сферу нашего опыта вошли новые факты или результаты опыта, несовмѣстимые съ этимъ положеніемъ съ точки зрѣнія несознательно подразумѣвающихся въ нашей познавательной дѣятельности предположеній, которыми опредѣляется выборъ фактовъ и явленій для провѣрки этого по-

---

[1]) Апрѣль—Сентябрь, Октябрь—Декабрь.

ложенія; она разрушается также и *въ случаѣ измѣненія самихъ руководящихъ предположеній*. Измѣненіе ихъ впервые привлекаетъ къ изслѣдованію такія явленія, которыя раньше считались совсѣмъ не относящимися къ данному положенію; съ другой стороны, нѣкоторые факты, о которыхъ думали, что они подтверждаютъ положеніе, получаютъ теперь новое истолкованіе и превращаются въ отрицательныя противъ него инстанціи.

Если до измѣненія указанныхъ предположеній методическое изслѣдованіе не въ состояніи обнаружить отрицательныя инстанціи, такъ какъ совершается по необходимости *до* возникновенія измѣненнаго предположенія, то все дѣло фактически зависитъ отъ того, что̀ вызываетъ эти измѣненія. Случайное расширеніе опыта, новыя научныя свѣдѣнія,—это и другое вліяетъ на измѣненіе предположеній. Но въ концѣ концовъ все опредѣляется „чрезвычайной проницательностью мысли, которая дѣлаетъ изслѣдователя способнымъ при встрѣчѣ съ опредѣленными фактами или результатами опыта *предощутить* возможное при тѣхъ или другихъ дополнительныхъ условіяхъ значеніе ихъ для критической оцѣнки, повидимому, твердо и окончательно установившихся положеній".

Если для методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія открывается возможность быть плодотворнымъ только съ возникновеніемъ недоумѣнія, это значитъ, что наивысшей, доступной человѣческому знанію, гарантіей достовѣрности должна служить полная и всесторонняя согласованность сужденія со всею совокупностью прошедшаго опыта, которая должна признаваться въ эмпиризмѣ за необходимо мыслимымъ сужденіемъ, не вызывающимъ недоумѣній. Методическое изслѣдованіе ничего не можетъ прибавить къ этой гарантіи, такъ какъ необходимая мыслимость какого-либо положенія, при отсутствіи недоумѣній, самымъ фактомъ своего существованія, показываетъ, что до методическаго изслѣдованія *уже была* полная и всесторонняя его провѣрка. Если эта провѣрка оказывается въ дѣйствительности неполной и невсесторонней; если случается, что развивающееся знаніе указываетъ на ошибочность нѣкоторыхъ положеній, считавшихся необходимо мыслимыми,—это доказываетъ только, что въ эмпиризмѣ *не можетъ быть безусловной достовѣрности*, но нисколько не касается вопроса о сравнительной достовѣрности того или другого способа убѣжде-

нія для установки опредѣленной истины въ опредѣленный настоящій моментъ. Доступный эмпиризму *относительный* критерій достовѣрности мы должны видѣть въ необходимой мыслимости не вызывающей недоумѣній. Методическое же изслѣдованіе есть способъ установки такихъ положеній, которыя не могутъ достигнуть (по условіямъ общей жизни сознанія) необходимой мыслимости или потеряли право считаться необходимо мыслимыми, вслѣдствіе возникшихъ недоумѣній.

Конечно, можно бы не считаться съ необходимой мыслимостью и къ каждому положенію, характеризующемуся этимъ признакомъ, предъявлять требованіе методическаго его изслѣдованія на основаніи теоретически предполагаемой и не устранимой *возможности* встрѣтиться въ расширяющемся опытѣ съ отрицательной противъ положенія инстанціей. Но чисто формальное требованіе методическаго изслѣдованія вызываетъ въ насъ не уничтожимое представленіе о его безполезности, даже странности. Фактически оно не выполнимо. Для такого изслѣдованія нельзя поставить границы,—оно должно продолжаться въ безконечность. Только, признавая поводомъ для методическаго изслѣдованія недоумѣніе, можно избавиться отъ сознанія безцѣльности все новыхъ и новыхъ переизслѣдованій необходимо мыслимыхъ положеній. Разрѣшеніе недоумѣнія является опредѣленной и достижимой цѣлью для методическаго изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ его завершеніемъ. По мнѣнію М. И. Каринскаго, можно настаивать даже на томъ, что замѣна необходимой мыслимости методическимъ изслѣдованіемъ—иллюзія, и что фактически такой замѣны никогда не бываетъ, такъ какъ ассоціативный процессъ, представленный въ необходимой мыслимости, не можетъ быть устраненъ въ эмпиризмѣ.

Итакъ, критеріемъ достовѣрности для эмпиризма, если онъ хочетъ быть послѣдовательнымъ, должна служить необходимая мыслимость, при отсутствіи не разъясненныхъ недоумѣній. Руководясь этимъ критеріемъ, эмпиризмъ долженъ объяснить существующее научное знаніе. Если подъ научнымъ знаніемъ разумѣть совокупность положеній, которыя должны считаться логически оправданными, то эта задача для эмпиризма неразрѣшима.

Необходимая мыслимость у Спенсера — но это есть убѣжденіе, обязательное и для всякаго эмпиризма—даетъ логи-

ческое оправданіе сужденію, какъ „представительница“ безконечно огромнаго количества фактовъ, лежащихъ въ основаніи для нея. Поэтому, оправданіе послѣднихъ посылокъ знанія для эмпиризма сводится къ требованію оправдывать *общія положенія*, выступающія въ роли послѣднихъ посылокъ знанія, съ помощью *частныхъ фактовъ*. Но индуктивный процессъ не можетъ дать всеобщаго сужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова: нельзя поручиться *за безусловную достовѣрность* добытаго путемъ индукціи закона природы; тѣмъ болѣе нельзя установить его *неизмѣняемости*, такъ какъ законосообразная связь явленій въ эмпиризмѣ констатируется опытомъ, а не выводится изъ самаго содержанія связываемыхъ явленій, что единственно можетъ обезпечить безусловную неизмѣняемость. И Милль и Спенсеръ сознавали оба эти ограниченія индуктивнаго процесса и пытались ихъ устранить: первый—превращеніемъ индукціи въ силлогизмъ, какъ въ такую форму вывода, которая дѣлаетъ возможными твердыя заключенія; второй — указаніемъ на необходимую мыслимость, какъ на предѣлъ вывода однихъ общихъ положеній изъ другихъ болѣе общихъ положеній, безъ чего — признается Спенсеръ—нельзя получить твердаго обоснованія положенія. Но Милль самъ чувствовалъ неодолимость затрудненій въ установкѣ общаго сужденія изъ частныхъ фактовъ и признавалъ ограниченность своей теоріи. Что же касается Спенсера, то его ссылка на необходимую мыслимость положенія, какъ на предѣлъ восхожденія, въ цѣляхъ твердаго его обоснованія, къ болѣе и болѣе общимъ истинамъ — эта ссылка очевидное недоразумѣніе, потому что необходимая мыслимость у Спенсера сама оправдывается *частными фактами*, для которыхъ она служитъ представительницей. Это недоразумѣніе настолько странно, что можно предположить, что Спенсеръ невольно подчинился вліянію не согласимаго съ эмпиризмомъ другого гносеологическаго воззрѣнія или обычнаго сознанія и призналъ, въ противорѣчіе себѣ, за необходимой мыслимостью самой по себѣ, независимо отъ представляемыхъ ею фактовъ, силу логическаго оправданія. Какъ бы то ни было, ссылка Спенсера для послѣдовательнаго эмпиризма во всякомъ случаѣ непріемлема.

Эмпиристическая теорія знанія не въ состояніи доказать *безусловную* достовѣрность послѣднихъ посылокъ знанія (а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего научнаго знанія). Но она вообще не

можетъ дать имъ логическаго оправданія. Эмпиризмъ отрицаетъ умозрительную очевидность сужденія. Но если такъ, онъ долженъ отрицать и непосредственную очевидность *формулъ выводовъ*, т. е. сужденій, утверждающихъ въ общей и отвлеченной формѣ связь между посылками и выводнымъ сужденіемъ, которая, при предположеніи достовѣрности посылокъ, должна оправдывать вѣру въ выводное сужденіе. Съ другой стороны, эмпиризмъ не имѣетъ права толковать отношеніе между порождающими необходимую мыслимость фактами и признаніемъ общаго сужденія въ томъ смыслѣ, что факты *логически оправдываютъ* это признаніе, потому что такое толкованіе приводило бы къ признанію очевидности сужденія изъ содержанія входящихъ въ него представленій, т. е. опять-таки къ признанію умозрительной очевидности. Съ эмпиристической точки зрѣнія о фактахъ нужно, очевидно, говорить не какъ о доказательствахъ общаго сужденія, а какъ *о психологическихъ условіяхъ* признанія или вѣры въ него. Можно сказать только то, что такіе-то факты обыкновенно сопровождаются такой-то вѣрой. *Логическія основанія* сужденія эмпиризмъ неизбѣжно превращаетъ въ *психологическія условія* вѣры въ него.

Безнадежность послѣдняго вывода относительно научнаго знанія, повидимому, смягчается у Спенсера тѣмъ, что, признавая необходимую мыслимость критеріемъ достовѣрности, онъ видитъ въ ней условіе образованія сужденія, наличность котораго порождаетъ вѣру въ него *съ безусловною психологической принудительностью*. Знаніе въ такомъ случаѣ, хотя бы оно и не имѣло логическаго оправданія, все же будетъ *рѣзко отличаться* отъ всякаго другого знанія, не обладающаго свойствомъ возбуждать къ себѣ довѣріе съ безусловной принудительностью. Иными словами: научное знаніе нельзя смѣшать съ ненаучными мнѣніями.

Ассоціанистическая точка зрѣнія, на которой стоялъ Спенсеръ, приводитъ его къ пониманію необходимой мыслимости, какъ неразрывной ассоціаціи представленій. Представленія, встрѣчаясь въ сознаніи, обладаютъ свойствомъ вступать между собой въ опредѣленныя соединенія или связи. Нѣкоторыя изъ этихъ связей достигаютъ такой прочности, что ихъ невозможно разорвать. Положенія, характеризующіяся этимъ свойствомъ неразрывной связи входящихъ въ нихъ представленій, и суть необходимо мыслимыя сужденія. Су-

жденія, противорѣчащія необходимо мыслимому положенію, суть *не мыслимыя* сужденія, неспособныя возбудить къ себѣ довѣріе, потому что идутъ противъ связей представленій, которыя кажутся намъ неразрывными связями. Но неспособность повѣрить въ сужденіе, не имѣющее признака необходимой мыслимости, нельзя уравнивать съ психологической необходимостью вѣрить въ соотвѣтствующее необходимо мыслимое положеніе. Можно признать, придерживаясь ассоціанистической точки зрѣнія, что необходимая мыслимость (или неразрывная ассоціація) способна возбудить наивысшую по интенсивности вѣру въ необходимо мыслимое положеніе. Но психологической необходимостью эта вѣра станетъ только въ томъ случаѣ, если сознаніе подчинено *исключительному* вліянію неразрывной ассоціаціи, если *нѣтъ* другихъ условій, способныхъ парализовать это вліяніе. Между тѣмъ, опытъ говоритъ, что всякая вѣра, возникающая ассоціативнымъ путемъ, есть познавательный актъ, подлежащій критической оцѣнкѣ сознанія со стороны логической ея состоятельности.

Безграничности господства вѣры надъ сознаніемъ, возникающей изъ безраздѣльнаго вліянія неразрывной ассоціаціи, невозможно доказать изъ общихъ основаній системы Спенсера. Это чувствовалъ самъ Спенсеръ, предоставившій въ защиту психологической принудительности вѣры въ необходимо мыслимыя положенія совершенно особое основаніе. Онъ утверждаетъ, что сужденія, противорѣчащія необходимо мыслимымъ положеніямъ, *невозможны*, какъ *невообразимыя* сужденія. Образованіе сужденій предполагаетъ созерцательный образъ, точно соотвѣтствующій утверждаемому въ сужденіи опредѣленному соотношенію опредѣленнаго субъекта съ опредѣленнымъ предикатомъ; безъ такого образа можно сдѣлать только словесное утвержденіе, самый же актъ сужденія не можетъ состояться. При такомъ представленіи дѣла, конечно, нечего опасаться того, что безграничное господство надъ сознаніемъ вѣры въ необходимо мыслимыя положенія будетъ чѣмъ-либо поколеблено: если невозможно самое образованіе сужденія, противорѣчащаго необходимо мыслимому положенію, не можетъ быть и парализующихъ вліяній на вѣру въ необходимую мыслимость.

Вскрывая возможный процессъ возникновенія изложеннаго взгляда на природу сужденія (самъ Спенсеръ утверждалъ его догматически и не пытался обосновать), М. И. Карин-

скій обращаетъ вниманіе на то, что въ дѣйствительности даже въ наукѣ мы широко пользуемся построеніями, которыя, хотя и оказываются потомъ невозможными, являются тѣмъ не менѣе вовсе не словеснымъ только утвержденіемъ,— напримѣръ, въ апагогическихъ доказательствахъ въ геометріи. Въ каждомъ сужденіи, хотя бы оно не имѣло созерцательной ясности, три представленія, составляющія содержаніе сужденія (субъектъ, предикатъ и отношеніе ихъ другъ къ другу), мыслятся вовсе не какъ совершенно обособленныя другъ отъ друга представленія, а какъ „характеристическія черты того соотношенія явленій, которое должно имѣться въ виду предложеніемъ". Но тогда хотя бы въ сужденіи не было созерцательнаго образа, въ немъ можетъ быть всетаки нѣкоторое указаніе на предметъ возможнаго утвержденія или отрицанія, и даже настолько опредѣленное указаніе, что можно узнать этотъ предметъ, если бы онъ оказался потомъ даннымъ также и въ воспріятіи.

Допуская, вопреки Спенсеру, что въ мыслительные процессы могутъ входить и не представляемыя наглядно комбинаціи, послѣдовательный эмпиризмъ тѣмъ не менѣе *можетъ* настаивать, что отчетливый созерцательный образъ *необходимъ для вѣры* въ положенія. Чтобы сочетаніе явленій, противорѣчащее необходимо мыслимому положенію, сдѣлалось предметомъ вѣры, необходимо найти для такой вѣры *достаточное* основаніе. Обоснованіе же положенія, какую бы форму оно ни принимало, форму ли непосредственнаго усмотрѣнія очевидности, или форму вывода, представляется Спенсеру процессомъ, „съ помощью котораго достигается принудительное соединеніе въ одинъ образъ представленій, обозначающихъ явленія, связь которыхъ утверждается въ положеніи". При такомъ взглядѣ на природу процесса обоснованія вѣра въ сужденіе являлась бы эквивалентомъ созерцательнаго представленія: гдѣ нѣтъ принудительнаго соединенія представленій въ одинъ образъ, тамъ невозможна и вѣра.

Достаточно остановиться на выводномъ процессѣ, чтобы видѣть необоснованность мысли, что обязательно включеніе созерцательнаго представленія связи явленій, утверждаемой въ какомъ-либо положеніи, *во всякій* сознательный процессъ убѣжденія. Для совершенной достовѣрности вывода нужны только созерцательныя представленія: 1) связи представленій, входящихъ въ содержаніе посылокъ, и 2) связи выводного

сужденія съ посылками. Самый же выводъ будетъ достовѣрнымъ, хотя бы было совершенно невозможно построить созерцательный образъ, соотвѣтствующій выводному сужденію.

Самъ Спенсеръ, для обоснованія неразрывной связи между необходимой мыслимостью и психологически необходимой вѣрой, ссылается однако не на изложенное объясненіе природы процесса убѣжденія, а на *„прямую очевидность“*, точнѣе—на очевидность съ точки зрѣнія непосредственнаго сознанія, для котораго то и другое—„простое тожество“. Но почему—„простое тожество“? Потому что непосредственное сознаніе убѣждено, что оно имѣетъ дѣло или съ самой дѣйствительностью и съ реальными связями въ этой дѣйствительности или съ связями, заимствованными изъ воспріятія, или, наконецъ, съ связями, обусловленными содержаніемъ представленій, причемъ созерцаніе этихъ связей уравнивается для него созерцанію связей самихъ реальностей, которымъ точно соотвѣтствуетъ содержаніе представленій. При этихъ предположеніяхъ, касающихся тожества связи, составляющей предметъ вѣры въ сужденіи, съ связью, которая выражается въ необходимой мыслимости, невозможность составить образъ, точно соотвѣтствующій опредѣленному положенію, конечно, будетъ исключать вѣру въ это положеніе: дѣйствительно, психологически невозможно повѣрить въ дѣйствительность такой связи явленій, которая противорѣчитъ или воспріятію этой связи, или убѣжденію въ необходимости ея, какъ вытекающей изъ связи соотвѣтствующихъ явленіямъ реальностей. Но Спенсерова философія исключаетъ эти предположенія непосредственнаго сознанія. На данныя воспріятія она смотритъ, какъ на ощущенія, принудительный характеръ синтезовъ воспріятія и общихъ сужденій объясняетъ свойствомъ психическихъ состояній вступать при частомъ совпаденіи въ сознаніи въ тѣсную связь, способную достигать совершенной неразрывности. Самое большее, что можно утверждать при этихъ предположеніяхъ эмпиризма, это — несовмѣстимость отчетливаго созерцанія необходимой связи представленій, входящихъ въ содержаніе сужденія, съ отрицаніемъ такого сужденія. Но уже нельзя сказать, что непосредственно очевидна несовмѣстимость признанія необходимой связи между представленіями съ сомнѣніемъ въ существованіи необходимой связи самихъ реальностей, обозначаемыхъ этими пред-

ставленіями. Самое объясненіе необходимой связи представленій (чрезъ образованіе вышеописаннымъ способомъ неразрывныхъ ассоціацій) вовсе не представляетъ такой истины, которая исключала бы всякую возможность критическаго вопроса объ отношеніи между признаніемъ необходимости связи представленій и связью обозначаемыхъ ими реальностей.

Мысль Спенсера о невозможности вѣры въ положеніе при отсутствіи въ сознаніи отчетливаго созерцательнаго образа того, что утверждается въ немъ, непріемлема еще по двумъ слѣдующимъ основаніямъ: 1) она противорѣчитъ фактамъ. Сплошь и рядомъ случается, что положенія, которыя Спенсеръ считаетъ необходимо мыслимыми, многіе не признаютъ такими, приписывая достовѣрность противорѣчащимъ имъ сужденіямъ; 2) потому что она, вмѣсто того, чтобы оправдывать наличное научное знаніе, грозитъ привести къ отрицанію многихъ признанныхъ наукой положеній.

Фактически существующій разрывъ между необходимою мыслимостью и психологической необходимостью вѣры Спенсеръ пытается устранить утвержденіемъ, что вѣра, противорѣчащая необходимой мыслимости, есть *мнимая вѣра*, и что мы въ этихъ случаяхъ имѣемъ дѣло, въ сущности, съ чисто словеснымъ утвержденіемъ, а не съ дѣйствительной вѣрой въ утверждаемое. Это объясненіе Спенсера не можетъ быть принято, потому что въ такомъ случаѣ: 1) пришлось бы признать чисто словесными утвержденіями огромную массу сужденій, общеупотребительныхъ и необходимыхъ въ обычной жизни; 2) признаніе невозможности акта сужденія или вѣры безъ точно соотвѣтствующаго этому сужденію соединенія представленій само *предполагало бы наличность такихъ именно сужденій*, такъ какъ мнимая вѣра выражаетъ то, что сознаніе вѣритъ, то есть предполагаетъ, думаетъ, что въ немъ *произошло* соединеніе представленій, невозможное, вслѣдствіе неразрывной связи представленій, противорѣчащей этому соединенію; 3) были бы необъяснимы признаваемые Спенсеромъ факты такихъ коллизій сознанія, когда вѣра въ сужденія, характеризующіяся необходимой мыслимостью, сталкивается съ вѣрой въ противорѣчащіе этимъ сужденіямъ выводы, опирающіеся на расширенный опытъ. Въ этомъ случаѣ согласіе съ выводнымъ сужденіемъ никто не рѣшится считать *мнимой* вѣрой, возникающей отъ соединенія не соединимыхъ въ дѣйствительности представленій.

Отрицаніе возможности сужденія при его невообразимости, какъ было замѣчено, грозитъ подорвать научное значеніе громадной массы положеній, которыя давно приняты наукой, дали плодотворные результаты и не возбуждаютъ сомнѣній. Дѣло въ томъ, что невообразимость какого-либо положенія является не только въ томъ случаѣ, когда его основные термины требуютъ соединенія, противорѣчащаго образовавшейся между ними необходимой связи, но и тогда, когда воображеніе *безсильно* создать образъ какой либо вещи. Напримѣръ, у насъ нѣтъ отчетливаго созерцательнаго образа о громадныхъ астрономическихъ пространствахъ, о билліонныхъ колебаніяхъ въ секунду эѳира, о молекулярныхъ движеніяхъ, о геологическихъ періодахъ и под. Допустима ли вѣра въ эти невообразимыя положенія? Если невообразимость считать не доказательствомъ ошибочности сужденія, а психологически неодолимымъ препятствіемъ для самой его возможности, придется отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Вѣра въ указанныя понятія не допустима. Не имѣемъ мы права вѣрить и въ существованіе бытія за предѣлами нашего сознанія, что горячо отстаиваетъ Спенсеръ, такъ какъ, по собственной же его теоріи, такое существованіе безусловно непредставимо для насъ. Избѣжать отрицательнаго отвѣта на поставленный вопросъ можно, поэтому, только въ томъ случаѣ, если невообразимость, которая дѣлаетъ сужденіе невозможнымъ, относить не къ основнымъ его терминамъ, а къ ихъ соединенію. То-есть если утверждать, что реальности или явленія, ставимыя въ сужденіи въ опредѣленное отношеніе другъ къ другу (то, *о чемъ* утверждается въ сужденіи), могутъ и не имѣть отчетливаго созерцательнаго образа, соединеніе же ихъ (то, *что* утверждается) требуетъ созерцательнаго представленія съ безусловной необходимостью.

Разграниченіе въ сужденіи роли его основныхъ терми- и ихъ соединенія, правда, мыслимое въ эмпиризмѣ, не достигаетъ цѣли — не въ состояніи обосновать признаніе указанной категоріи научныхъ положеній. Прежде всего созерцательный образъ отношенія между субъектомъ и предикатомъ нельзя представлять какъ образъ *абстрактно* взятаго отношенія, такъ какъ такой образъ обыкновенно возможенъ даже и въ сужденіяхъ, противорѣчащихъ необходимо мыслимымъ сочетаніямъ. Это—образъ *специфированнаго* отношенія между *опре-*

дѣленнымъ субъектомъ и *опредѣленымъ* предикатомъ. Но въ такомъ случаѣ вѣра невозможна, ей не откуда взяться, такъ какъ соединеніе въ одномъ представленіи простыхъ *указаній* на предикатъ и субъектъ, *безъ* отчетливаго ихъ созерцанія, не можетъ дать въ результатѣ *отчетливо созерцательное представленіе* специфированнаго отношенія между опредѣленными субъектомъ и предикатомъ. Кромѣ того, не во всѣхъ сужденіяхъ утверждается *отношеніе* между реальностями или явленіями; въ экзистенціальныхъ сужденіяхъ утверждается ихъ *существованіе*. И такъ какъ сужденіе, согласно вышеуказанному разграниченію, можетъ состояться только въ томъ случаѣ, если дано созерцательное представленіе того, *что* утверждается, то, по крайней мѣрѣ, въ экзистенціальныхъ сужденіяхъ необходимъ созерцательный образъ самыхъ реальностей или явленій, существованіе которыхъ въ нихъ устанавливается. М. И. Каринскій доказываетъ, что и всякое сужденіе по своему существу есть сужденіе существованія,— только въ *не* экзистенціальныхъ сужденіяхъ уже установленное ранѣе или гипотетически предположенное существованіе утверждается съ тѣмъ или другимъ дополненіемъ (квалифицированное существованіе). Всѣ сужденія превращаются, такимъ образомъ, въ утвержденіе отношенія, однимъ членомъ котораго обязательно оказывается существованіе, а другимъ—все остальное, чему это существованіе приписывается. И если для того, чтобы сужденіе могло состояться, въ сужденіяхъ, устанавливающихъ отношенія между реальностями, необходимъ созерцательный образъ *отношенія*, то въ сужденіяхъ существованія мы должны очевидно требовать созерцательнаго представленія *предмета*, которому приписывается существованіе. Смыслъ обоихъ требованій одинъ и тотъ же: сужденіе невозможно безъ вполнѣ отчетливаго представленія того, что утверждается.

Съ этимъ выводомъ падаетъ разграниченіе значенія основныхъ терминовъ сужденія и ихъ соединенія для образованія сужденія. Мы должны признать, что не въ состояніи утверждать существованіе предмета, или его свойствъ, принадлежностей и пр., для которыхъ мы не имѣемъ точно соотвѣтствующихъ имъ представленій. То есть вѣра въ такіе предметы, принадлежности и пр. (напримѣръ, въ указанныя астрономическія, физикальныя, геологическія и др. ученія) для насъ *психологически невозможна*. И на отношенія, въ которыя

входятъ представленія о вещахъ этого рода, мы должны смотрѣть, какъ на отношенія, неспособныя заставить насъ повѣрить въ ихъ дѣйствительность (все равно, внѣшнюю или внутреннюю, феноменальную или метафизическую дѣйствительность).

Спенсеръ сознавалъ, что признаніе невозможности невообразимаго сужденія можетъ имѣть убійственное значеніе для цѣлаго ряда положеній, которыми наука гордится, и пытался устранить это введеніемъ съ свою систему такъ наз. „символическихъ понятій", которыми у него обозначаются вещи безъ соотвѣтствующаго имъ точнаго созерцательнаго представленія. Символическія понятія, по мнѣнію Спенсера, законны, когда въ реальномъ значеніи ихъ можно увѣриться съ помощью какого-либо сложнаго и непрямого процесса или чрезъ исполненіе основанныхъ на нихъ предсказаній. Однако, и послѣ выполненія процессовъ, связанныхъ съ соблюденіемъ этихъ условій, само символическое понятіе остается для насъ такимъ же неотчетливымъ представленіемъ обозначаемой вещи, какимъ оно было до этихъ процессовъ. Слѣдовательно выводъ о невозможности признанія ихъ остается во всей силѣ.

Итакъ, ученіе новаго эмпиризма о критеріи достовѣрности превращаетъ логическія основанія сужденія въ психологическія условія вѣры въ него. Попытка же найти, не смотря на это, твердый фундаментъ для научнаго знанія, въ концѣ концовъ сама приводитъ къ отрицанію научнаго значенія за огромной массой признанныхъ положеній науки и даже прямо закрываетъ для знанія области, изслѣдованіемъ которыхъ наука гордится *).

Василій Успенскій.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки